

Мартин Камэр

12+

Призрак

Докажи, что ты живой!

Мартин Камэр

Призрак

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Камэр М.

Призрак / М. Камэр — «ЛитРес: Самиздат», 2019

По названию книги можно подумать, что она будет о мистическом персонаже. Тем более, что автор широко известен своими произведениями в жанре ужасов. «Призрак» тоже можно отнести к этому жанру. Но на этот раз перед нами — реальная жизнь, нет ни мистики, ни фантастических существ, ни психов. Весь ужас заключается в образе нашей жизни, нашего мышления, наших поступков, которые иногда, совпадением случайностей, ставят человека в безвыходное положение, что любая мистика покажется наивностью. Психоз общества, доведенный до мистики — вот чем на этот раз источник ужаса.

© Камэр М., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

ПРИЗРАК

* * *

Тук-тук-тук... Тук-тук-тук...

Нет, это не звук шагов, это не топот ног преследователя.

Тук-тук-тук...

И это не звук ее собственных шагов...

Это сердце у Гузель стучит.

Женщина быстро обернулась назад. Тот в белом, как саван, покрывале по-прежнему преследовал ее. Призрак! Могильный холод пробежал у нее по спине, на голове зашевелились волосы. Она попыталась крикнуть, но крик буквально застрял в горле.

А призрак уже совсем рядом. «И зачем я только надела туфли на высоком каблуке, – подумала Гузель, прерывисто дыша. – В простых туфлях бежать было бы удобней. А так... Эх, хоть бы кто-нибудь появился на улице».

Призрак почему-то остановился. Кажется он что-то крикнул ей. «Кошелек», – донеслось до нее. Кошелек он хочет, что ли?! Она только сегодня получила зарплату. Если лишится ее, придется потом на целый месяц зубы на полку положить. Ладно, и это можно пережить. А если убьет? А если изнасилует, надругается? от таких мыслей душа у нее леденела и трепетала.

Надо разуться. Бежать будет легче. Она оглянулась, присела. Дрожащие руки не слушались, и быстро снять туфли не получалось. Призрак все ближе. Взяв одну туфлю в руки, а другую оставив, как была, на ноге, женщина снова побежала. Теперь она не бежит, а ковыляет припадая на одну ногу.

Призрак уже совсем рядом.

– Стой! – приказал он. – Куда бежишь?! Стой...

Страх проник в каждую клеточку ее тела, парализовал его, сковав все суставы. Со всего маху она растянулась на холодном асфальте. Слетела с ноги туфля...

«Я пропала!...» – подумала она, когда преследователь возник прямо перед ней.

– Ха-ха-ха-ха... – раздался из савана жуткий смех. Он заставил содрогнуться Гузель до самой глубины души.

Гузель облизнула пересохшие губы. В сознании мелькнул какой-то проблеск надежды. Говорят, человек до самого конца не верит в свою смерть, надеется на чудо. Сейчас Гузель находилась именно в таком состоянии.

– А-а-а... – простонала она дрожащим голосом. – Умоляю вас, не трогайте меня! Не убивайте, умоляю.

Вдруг она начала суетливо рыться в своей сумочке.

– Вам деньги нужны?! Сейчас...

Призрак опять засмеялся.

– Ну и бегаешь ты, – сказал он своим загробным голосом. – Еле догнал.

Гузель не слышала его. Она искала свой кошелек.

– Сейчас найду... Сейчас... Деньги есть у меня.

– Да не бойся ты...

Гузель не нашла кошелек и застыла в немом отчаянии. Надежды нет! Теперь этот в белом саване убьет ее. Гузель расплакалась.

– Умоляю вас, не трогайте меня! Ну не трогайте!

– Гы-гы-гы... – расхохотался призрак и потянулся к волосам Гузели. – Не бойся, девочка... – Он погладил ее по голове и что-то протянул.

– Ты кошелек свой потеряла. На, держи. Больше не разбрасывайся...

Потом призрак принес ей туфлю:

– Обувайся. А то еще на стекло напорешься.

Гузель сидела, как окаменевшая, с кошельком в руке. Она не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Это был полный шок.

* * *

Настроение у Хасана приподнятое. Это видно сразу по его подпрыгивающей походке. Он с каким-то изяществом поднес к лицу букет цветов, с наслаждением вдохнул аромат и довольно улыбнулся. А потом вполголоса запел:

Одну тебя люблю, одну тебя жду,

Одну тебя видеть я хочу

Он шагает по темным улицам ночного города. Впрочем, это никакая не улица, оказывается, он забрался в какой-то узкий двор между домами. От предвкушения сладостной встречи со своей возлюбленной на него нашло полное затмение. Хотя дома своя жена ждет, но с чужой оно как-то и острее, и слаще. Особенно когда жизнь твоя уже устроена, а самому тебе за сорок.

Внезапно появившееся перед ним нечто в белом напугало его до такой степени, что он так и подпрыгнул от страха. Из груди его вырвался какой-то неопределенный звук, букет цветов сам собой вывалился из рук на землю.

Но он ничего этого не почувствовал. Все его существо сосредоточилось на появившейся перед ним странной фигуре в белом. Призрак! Точно, перед ним стоял призрак! Его бросало то в жар, то в холод. Волосы на голове встали дыбом. Хотел было побежать, но не смог оторвать ноги от земли, как будто они каким-то образом в один момент пустили корни.

– Хорошо поешь, – сказал Призрак холодным могильным голосом. – Похвально!

Он обошел вокруг дрожащего мужчины и разразился ледящим душу смехом. Потом, делая ударение на каждом слого, произнес:

– Вот тебя я как раз и ждал.

– Кто ты? – подумал Хасан. Вернее, он хотел это сказать, но с голосом как-то не получилось. Глаза его, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

– Я – Призрак, – сообщил белый саван, угадав мысли Хасана, чем поверг его в еще больший испуг.

Цок-цок-цок... Цок-цок-цок...

Хасан не сразу понял, откуда исходит такой звук. А поняв, впал в еще большую протрацию. Оказывается, это его зубы выбивают дробь: цок-цок-цок...

Лица призрака не разобрать. Под саваном – только черная пустота. И голос призрака исходит из этой пустоты. Хасану кажется, если тот сбросит с себя саван, то сразу станет невидимкой. Однако он есть. И каким-то колдовским способом подчиняет себе, тяжелым бульжником давит волю.

– Слушай, друг... – в словах призрака не было угрозы, но голос его был ужасным. – Ты не сможешь одному хорошему человеку? У Хасана не нашлось сил, чтобы открыть рот. Только уголки губ немного дернулись. А звука опять не получилось.

Но нужно было как-то ответить, иначе, как он подумал, и кончать его могут. Хасан торопливо мотнул головой. Он дернулся так резко, что, ему почудилось будто с ним случилось сотрясение мозга.

– Вот молодец! – Призрак произнес эти слова так ласково, что в душе Хасана зажглась некая искра надежды.

Однако внезапно раздавшийся вновь жуткий голос как будто окатил его ведром ледяной воды:

– Раздевайся!

Хасан опешил. Однако, тотчас, начал торопливо стаскивать с себя пиджак.

– Штаны тоже снимай! – приказал призрак.

Хасан хотел было что-то возразить, но, углядев в позе Призрака агрессию, немедленно выполнил требуемое.

Затем, взявшись за резинку трусов, вопросительно взглянул на Призрака. Руки его дрожали.

– Это не нужно, – сказал Призрак. А рубашку снимите. И туфли тоже. Через несколько секунд Хасан стоял в одних трусах. Ночь, хоть и летняя, была прохладной. Теперь к его страху добавился холод, и он затрясся еще сильнее.

– Спасибо, – поблагодарил с издевкой Призрак.

Хасан в ответ вежливо наклонил голову.

Вывернув карманы брюк и пиджака, Призрак извлек оттуда несколько пачек денег, сотовый телефон и пистолет. Наверняка он при этом улыбался.

– С места не двигайся. Стой на месте!

Насчет «стоять» Хасан понял и изо всех сил мотнул головой. А насчет бежать у него и в мыслях не было, а если бы даже и было, никакие силы не могли бы сдвинуть его с места. Тут что-то больно кольнуло в голую пятку. Оказывается, цветы. Цветы для зазнобы. Внезапно вдруг стало тяжело на душе. И горькое раскаяние опалило сердце. Эх, если б шел он домой, к жене! Разве оказался бы в таком положении. Эх...

Послышались удаляющиеся шаги Призрака. Он уже успел переодеться в одежду Хасана. Хасан – мужчина солидный, и его одежда болталась на Призраке, как на вешалке. Будто шикарный светло-зеленый костюм надели на чучело. Призрак в нем принял вид еще более отталкивающий и безобразный. Он кинул свой белый саван Хасану и не спеша ушел в темноту.

Хасан стоял еще долго, пока не убедился, что Призрак уже не вернется. Потом накинул на себя его белый саван.

Его безостановочно колотила дрожь. Он чувствовал себя брошенным на землю окурком, измятым и раздавленным. Оказывается – это все видимость: и твоя сила, и твое богатство.

В этом мире можно кого угодно и когда угодно превратить в убогое и жалкое ничтожество...

* * *

Квартира у Сакины – двухкомнатная. Мебель и прочая обстановка далеко не роскошные. Только телефон на старой тумбочке возле двери вроде бы и новый, и дорогой. В любом случае это в квартире единственная приличная вещь. Обои на стенах, еще тех доисторических времен, давно потеряли вид и цвет. На одной стене висит ковер с тремя богатырями, на другой – портрет Закирзяна, перепопсаный черной лентой. Перед портретом стоит Сакина в черном платье. Хотя эта женщина за сорок пребывает в трауре, ее скорбь в глаза особо не бросается.

– Ох, Закирзян, милый... – произнесла она, лаская взглядом портрет. – Пусть земля тебе будет пухом. Пусть место твое будет в раю.

Ей было жалко мужа. Кто умирает слишком рано, того всегда бывает жалко. Закирзян тоже ушел безвременно. Жить бы ему да жить. Однако житьем своим не шибко радовал ее Закирзян. Простым работягой был. Денег хватало только чтобы концы с концами сводить. Временами и навеселе приходил. В таком виде особенно ненавидела его Сакина. Просто в ярость приходила. Надеть – одежды путной нет, полакомиться – еды сладкой нет, а он водку пьет. Дома в такие моменты пыль столбом стояла, ураган бушевал. Со временем жена приспособилась. Как муж чуть под хмельком появится, так сразу милицию вызывает. Закирзяна – за решетку, а сама – на волю.

Когда живой был – пользы от него никакой не было, а умер – жалко стало. Жил бы так, как жилось. Если уж пользы особой от него не видела, то и вреда большого ей не причинял.

Тем не менее после смерти мужа она как-то легче себя почувствовала. Как будто груз какой с плеч свалился. Совесть ее по этому поводу особо не мучила: ведь если копнуть

поглубже, там такое обнаружится, на дне загадочной женской души, что самой даже страшно становится. К счастью, никто туда заглянуть не может. Теперь Сакина сама себе хозяйка, что хочет, то и делает, кто поглянется, с тем и пойдет. Дочку свою она на следующий день после похорон в деревню к бабушке отправила. И тут же друга сердечного тайком от глаз чужих ночевать привела. А он ей телефонный аппарат шикарный притащил. Хочешь – по трубке говори, хочешь – из соседней комнаты кричи. Все слышно, как будто рядом.

Если посмотреть, Закирзян очень даже вовремя богу душу отдал. Она еще раньше одного богатенького бизнесмена на крючок подцепила. А теперь он у нее вообще под каблуком. Если дело так и дальше пойдет, то она его с женой разведет и на себе женит. Впрочем, это не так уж и важно. Самое главное, что жизнь у нее начала налаживаться, безденежье ее мучить перестало. Хоть и жить не умел Закирзян, но умереть сумел достойно. За это она и благодарна ему. И все же ей было жаль Закирзяна.

Говорят, от болезни сердца легко уходят. На ее взгляд, так все болезни одинаковы. А смерть никогда легкой не бывает. Хотя не очень-то верится, что муж от сердца преставился, при жизни он никогда на сердце не жаловался. Вообще-то он никогда ни на что не жаловался. А в тот день схватился за грудь и свалился, увезли на «скорой» помощи». На следующий день сообщили, что умер.

Хоть и спекся Закирзян так быстро, но ей все казалось, что мучился он долго. Ведь не узнать его было. Когда Сакина увидела его первый раз, сама чуть не рухнула. Ведь надо как изменился человек! О Аллах! Закирзян совсем как другой человек стал. Даже ведь дочь не узнала. «Это не мой папа», – все твердила. Если уж родное дитя не признало... Пусть за все его муки воздастся ему добром на том свете. Чтобы в раю ему место досталось.

Хотя она схоронила своего мужа всего три дня назад, но за это время столько всякого случилось, что ей казалось, будто с тех пор прошла целая вечность. Да и само время тоже медленно тянулось. Провести бы скорее эти сорок дней, тогда можно было бы, не таясь от соседей, своими делами заняться. А пока еще не очень-то удобно...

«Ты уж не обижайся, дорогой... Спи спокойно. Пусть место твое в раю будет», – сказала она, закрывая портрет мужа белой простыней. Потом прошла в спальню, сняла с себя траурную одежду и надела коротенький халатик. Распустила по плечам волосы. Встав перед зеркалом, накрашила губы. И вдруг превратилась в настоящую писаную красавицу. И никто бы ей не дал ее сорок законных лет.

Взглянула на часы.

Уже должен бы прийти. В другой раз в эту пору они бы уже досыта навалились в кровати. А сегодня почему-то запаздывает. Очень сильно запаздывает.

Вдруг затрещал дверной звонок.

Сакина аж подпрыгнула. И тут же захлопала в ладоши.

Опять звонок.

Сакина широко улыбнулась. Но открывать дверь не спешила. Пусть подождет немного. Чем дольше подождет, тем слаще покажется.

Еще звонок.

Сакина закружилась от восторга. Погасив в прихожей яркий свет, оставила только красный, создающий интим, ночник. Кстати, тоже его подарок.

И с радостной улыбкой отворила ему дверь.

И бросилась в его объятия.

И закричала от ужаса диким голосом.

Вместо ее любимого стоял какой-то человек, закутанный в белую, пропахшую нафталином простыню.

– Ааааа, ууууу!

У белой простыни, кажется, нет и лица, во всяком случае, там можно было разглядеть только черную пустоту.

И из этой простыни раздался голос:

– Не бойся, дорогая. Это я, Хасан...

Голос был знакомый. Женщина немного успокоилась. Но крикнула еще раз:

– Ааааа, ууууу! На этот раз для того, чтобы напугать мужчину.

– Не бойся, моя единственная... – Хасан сбросил простыню и остался в одних трусах. – Не бойся... Это тебе!

Хасан протянул ей цветы. Женщина в растерянности постояла немного, затем, улыбнувшись одними уголками губ, поставила цветы в вазу.

Однако розы не очень-то были хороши'. Они были все измяты и производили вид весьма потасканный. Мужчина заключил Сакину в свои объятия. Женщина поласкалась немного и оттолкнула его в сторону. От Хасана так и несло нафталином.

– Иди, помойся, – сказала женщина, мило улыбнувшись. – Чем-то пахнет от тебя.

И, увидев выражение его лица, громко засмеялась. Желая поскорее избавиться от щекотливого положения, Хасан направился в ванную.

– Скажи, что случилось?

– Выйду расскажу.

Однако Сакина загородила ему дорогу:

– Прямо сейчас рассказывай. Что случилось?

Хасан не знал, что и сказать. Он стоял, уставившись в одну точку, как школьник, не выучивший урока. Сакина опять рассмеялась.

– Одежда твоя где?

Хасан начал заикаться, краснеть. От одного воспоминания о Призраке его кинуло в дрожь.

– Отдал какому-то нищему... – еле выдавил он. – Да, отдал нищему.

– И телефон тоже?

Сам того не замечая, Хасан изо всех сил кивнул головой.

– И деньги?

Хасан опять кивнул. Потом стеснительно добавил:

– Да... Все отдал... В карманах ушло...

Женщина конечно же догадалась об ограблении, но решила не показывать виду.

– Никому ничего не давай, – сказала она тоном матери, отчитывающей сына-озорника. – Не раздавай свое добро чужим людям.

Хасан слушал ее, кивая головой в знак согласия. И повторял за ней: «Никому не дам. Не буду раздавать свое добро чужим людям». Весь вид его выражал полное послушание. Тем не менее упавшим голосом он попытался возразить:

– Пожалел я его... Очень уж вид у него жалкий был... Я о призраке... о нищем говорю. Пожалел я...

– Мне их тоже жалко, – сказала жестко Сакина. Но я никому не даю. И ты тоже не давай.

Хасан кивнул.

– Для дома надо, ты же сам видишь, как тут у меня... Ничего путного нет. Чем нищим раздавать, лучше бы мне помог.

Хасан оживился:

– Конечно, помогу, – воскликнул он в каком-то страстном порыве. – Коль пожелаешь, завтра же евроремонт сделаю...

Женщина широко улыбнулась. Посмотрела с восхищением на мужчину.

– А если подумать, то очень даже оригинально, – еще шире улыбнулась она. – Разве кто-нибудь догадался бы придти к своей любимой женщине в одних трусах? Не догадался...

Хасан тоже улыбнулся. Хотел было даже кинуться в объятия любимой, но о спохватившись, пошел в ванную.

– Хорошо что хоть ты есть у меня, моя единственная! – умилился он. – Люблю я тебя.

Внезапно зазвонил телефон. Сакина подбежала к аппарату и подняла трубку. Хасан, насторожившись, застыл в дверях ванной.

– Я вас слушаю, – сказала Сакина. И вдруг лицо ее исказилось, побледнело. – О, Аллах! – в ужасе воскликнула она.

Обеспокоенный Хасан подошел к ней:

– Кто это там?

Женщина не ответила. Хасан нажал на аппарате какую-то кнопку. По всей квартире раздался голос звонившего. Хасану он показался чем-то знакомым. «Где я его слышал?» – подумал он. Но вспомнить не смог. «Показалось...» – решил Хасан.

– Сакина, говорю, Сакина! Почему не отвечаешь? Что случилось? – добивался голос.

– Ты... Ты откуда... Откуда звонишь?

– Из будки. Да, ладно, не мучайся. Приду, все объясню.

– Боже... Разве оттуда возвращаются? – прошептала она еле слышно.

– Ошибка вышла, Сакина... – сказал с запинкой голос – ошибка...

– Подожди, кто же ты?... Зачем эти шутки? Разве можно так шутить? – Сакина была готова вот-вот зарыдать.

– Я не шучу, Сакина. – голос дрогнул. – Не шучу. Я – Закирзян.

У Сакины задрожали губы.

– Мы же Закирзяна уже похоронили, – пролепетала она, моргая глазами. Я вся в горе. Не делайте больше так, пожалуйста.

Она нажала на кнопку. Послышались гудки отбоя.

– Вот нахал! Попадись он мне в руки! – запетушился Хасан, – Я ему покажу...

Телефон снова зазвонил. Сакина нажала кнопку.

– Сакина, это опять я. Закирзяна, ты говоришь, похоронили?

– Да, три дня назад.

– Этого не может быть.

Сакина загрустила:

– Очень даже может быть.

Голос на том конце, похоже, растерялся:

– Подожди... А кто же я тогда?

– Пить надо меньше! – взорвалась Сакина, – чтобы головы не терять...

И отключила телефон.

– Что за псих это был?

– А голос ведь действительно похож, – засомневалась Сакина. – Не звонил же он из могилы...

Воцарилась тишина. Тяжелая.

– А ведь он и прийти может, – задумалась Сакина.

– Пусть только придет! На куски порву!

– Женщина бросила на него ласковый взгляд.

– Нет, дорогой. Не пойдет. Схоронили только три дня назад. Что подумают, если увидят нас вдвоем.

Замолчали. В душе у обоих возникла какая-то тяжесть.

– Ты уж иди домой, милый, – решила Сакина.

Хасан хотел были возразить, но поняв, что женщина права, раздумал.

На самом деле, в такой ситуации только домой остается идти. День как-то сегодня не заладился. То призрак. То маньяк телефонный. Тьфу!..

Сакина пошла в спальню и вернулась с охапкой одежды.

– Вот. Тебе, конечно, маловата, будет. Но ничего не поделаешь...

И на самом деле ничего нельзя было поделать. Хасан натянул на себе одежду Закирзяна. Брюки доходили почти до колен, а рубаха – выше пупка. Выглядел он вполне комично, но никто не смеялся.

– Такси уже только не поймаешь, – сказала Сакина.

Вот тебе деньги на дорогу. Хватит, наверно?

Денег хватало. Ну и умница же эта Сакина. Не женщина, а золото. В этот момент Хасан был готов пасть ей в ноги.

– До свидания, милый. – Женщина поцеловала его в щеку. Хасан тоже поцеловал ее. – До свиданья...

– Счастливо добратся.

– Спасибо, если что – звони.

* * *

Квартира без Хасана словно осиротела. Женщина ощутила себя совсем одинокой. Вокруг лишь холодная пустота, на дворе – темная ночь, в доме – страх.

Кто же ее так разыгрывает? Ведь у нее нет ни близких друзей, ни заклятых врагов, которые могли бы ей такую шутку устроить. Если приятели Закирзяна?.. Да нет, не может быть...

Кто же? Кто же?

А голос до чего похож. И манера разговаривать... Неужели сам? Из могилы? Сердце Сакины охватило ужас. Может ли звонить покойник через три дня после похорон? Нет, конечно!..

Кто же тогда? Кто же звонит голосом Закирзяна? Кто?

Не спит же она на ходу? И не бредит наяву?

Если она бредит, то Хасан-то уж точно нет. Все-таки ей действительно звонили. Неужели это правда, что неуспокоенные души мертвецов возвращаются в виде призраков? Да, Закирзяна малость поспешили хоронить. Даже не стали ждать, когда родственники приедут. Может, на это обиделся? Или о шашнях Сакины и Хасана прознал? Поэтому душа его не успокоится? И призраком возвращается?

Наверно, это так... Наверно, это его призрак...

Зазвонил телефон. Сакина вздрогнула, по всему телу пробежал мороз.

Еще звонок... Еще... Теперь она одна, трубку взять страшно, и как ей разговаривать с тем Голосом, так ведь и сердце может разорваться. Но телефон не унимался. Сакина подняла трубку.

– Слушай, – раздался голос, – готовься открыть дверь. Я уже у подъезда. Трубка, падая из рук Сакины, ударилась о кнопку громкоговорителя, и Голос мощно загрохотал по всей квартире:

– Почему не отвечаешь? Ты что, не веришь?

Женщину колотил дикий озноб.

– Ты что, не узнаешь мой голос? Почему не отвечаешь?

Она что-то попыталась сказать, но не смогла, так ее трясло.

– А вы что, на самом деле меня похоронили? – донимал Голос. – Поспешили, однако! Не надо было торопиться. Ха-ха-ха...

Сакина сползла по стене на пол.

– Вот сейчас будет тебе хохма. Отвечай! – Голос немного помолчал. – Ладно, я уже пришел.

Голос гремел словно гром с небес. С тех небес, где душа Закирзяна неприкаянно блуждала. И оттого он был ужасен, всю ее переворачивал, наполнял страхом. Казалось, на этом свете не осталось ничего, кроме чувства страха, которое заставляет в испуге трепыхаться сердце и нагло глумится над всем ее существом.

Внезапно распахнулась форточка. Послышался какой-то вой. Уже ничего не соображая, женщина громко вскрикнула и, не сводя с окна широко раскрытых глаз, медленно поползла в прихожую. Из угла уставилась на форточку. Ждала, что оттуда вот сейчас в клубах голубого тумана появится нечто ужасное и, опустившись на пол, обернется призраком Закирзяна. Схватит ее за горло и скажет: «Ты почему надо мной издеваешься, мало тебе – живьем в землю закопала, так еще и мертвому покоя не даешь?!»

Но из форточки никто не появился. Наверно, ветер был. Собрав все силы, женщина поднялась на ноги. То и дело оглядываясь по сторонам направилась к окну. Подошла и захлопнула форточку. Ей казалось, что на нее кто-то смотрит, наблюдает за ней. Задернула все шторы. Но страх не ушел. Кто-то все же следит за ней...

Вдруг краем глаза она заметила какую-то женскую фигуру. В коротком халатике. Потихоньку повернулась в ее сторону. У-уу-ух... Это она сама... В зеркале отражается.

– Надо переодеться, – подумала она. – Если Закирзян-призрак увидит ее в этом наряде – не простит. Прошла в спальню. Разделась. Тело охватил холодный озноб. Как будто, тиская, обнимал невидимка. Верно, дыхание смерти. Поспешно надела свое траурное платье. Стало немного теплее.

Выйдя в зал, сняла с портрета Закирзяна белое покрывало, положила его на диван. Взглянула на портрет мужа. И вдруг вскрикнула: ей показалось, что портрет хитро подмигнул. Взглянула еще раз: нет, вроде, не мигает. Показалось, наверно.

И тут затрещал звонок. Сакину аж подбросило.

Опять звонок.

Она медленно двинулась к двери. Дошла. Остановилась.

– Кто там?

Женщина не узнала собственный голос.

– Это я, Закирзян.

Сакину трясло.

– Открывай, давай. Я это!

В замочную скважину всунули ключ. Повернули.

Сакина, пытаясь защититься от чего-то неведомого, вытянула вперед руки и попятилась в комнату. Вжалась что есть силы в стену, стремясь слиться с ней совсем.

Дверь открылась.

– Нет! Н-е-е-е-т!!!

Женщина рухнула на пол.

С большим пакетом в руках в прихожей стоял Закирзян.

– Привет. Как живешь? Почему не открываешь?

– Ты что, испугалась? Неужели на самом деле похоронили меня? Я думал, ты шутишь...

Ни на один его вопрос не последовало ответа, Сакина лежала без сознания. Закирзян поднял ее, отнес на диван. И застыл, увидев свой портрет. Помотал головой. Не произнес ни слова. Пощупал у женщины пульс. Попробовал поискать в шкафу лекарство. Не нашел. Увидев листок бумаги, уставился на него. Присвистнул. Взял листок в руки. «Свидетельство о смерти», – прочитал он. Свидетельство о его смерти...

Положил бумагу на место. Вытащил из карманов сотовый телефон, пистолет и деньги и сложил все это на полку в шкаф. Разделся. Аккуратно повесил одежду Хасана в шифоньер и переоделся в собственную. Все выложенное ранее рассовал обратно по карманам костюма, прихватил заодно и свидетельство о своей смерти. Теперь это был единственный его документ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.